

УДК 303.446

doi: 10.18101/2305-753X-2018-1-35-42

РОССИЙСКОЕ И ФРАНЦУЗСКОЕ МОНГОЛОВЕДЕНИЕ: ПЕРСОНАЛИИ, ТЕНДЕНЦИИ, НАУЧНЫЕ СВЯЗИ

© **Кузьмин Юрий Васильевич**

доктор исторических наук, профессор

кафедры мировой экономики и международного бизнеса,

Байкальский государственный университет

E-mail: kuzminuv@yandex.ru

В статье представлена характеристика и особенности отношений стран Запада и Востока в Новое время. Показаны причины высокого уровня развития российского востоковедения и монголоведения, в частности. Основное внимание уделено становлению и развитию французского востоковедения и характеристике крупных востоковедов Франции. Показаны научные связи востоковедов двух стран.

Ключевые слова: Восток, Запад, научные связи, российское востоковедение и монголоведение, французские востоковеды, труды, научные экспедиции на Восток, причины успеха российских востоковедов, мировое востоковедение.

Известный английский писатель Р. Киплинг в свое время написал фразу, которая стала классическим выражением отношений Запада и Востока, которым никогда не сойтись в этом мире. Разумеется, необходимо согласиться, что западные и восточные страны — очень разные по своей культуре, менталитету, по своему отношению к государству, правящему сословию, к жизни, к женщине, к детям, а также своим союзникам, противникам. И в том смысле им действительно никогда не сойтись.

С другой стороны, страны Запада и Востока действительно длительное время жили независимо друг от друга, развиваясь как бы параллельно и лишь незначительные торговые связи, вроде знаменитого Шелкового пути экономически связывали эти страны. Необходимо также отметить, что длительное время, до Нового времени страны Востока явно превосходили западные страны по уровню экономического, культурного развития. Именно западные страны нуждались в восточных товарах (шелк, чай, драгоценные металлы, пряности и т. д.) и искали пути их быстрой и рациональной доставке в страны Запада, которые исчерпали к этому времени собственные возможности добычи золота, серебра и других ценных металлов и драгоценных камней, столь ценимых элитой стран Запада.

В Новое время были установлены и навязаны странам Востока невыгодные и неэквивалентные экономические отношения стран Запада и Востока. В ряде случаев они носили просто грабительский характер, как например, во время так называемых Опиумных войн в Китае середины XIX века, называемых в Великобритании торговыми войнами, что не соответствует исторической действительности. Ограбление восточных стран западными цивилизациями, имеющими техническое превосходство над восточными странами в Новое время, привело к длительной деградации восточных государств (Китай, Индия, Иран, Турция и др.), а также к экономическому, политическому и научному отставанию. Здесь необходимо отметить, что различные страны Запада проводили политику, которая их существенно отли-

чала друг от друга. Особое место в освоении восточных земель дальше Уральских гор отличало Русское государство, которое проводило политику освоения Сибири и Дальнего Востока, доводя до своего уровня развития, частично заимствуя уникальный опыт проживания коренных народов в сложных климатических условиях. Российское государство принесло в Сибирь, Русский Север и Дальний Восток культуру пашенного земледелия, европейской медицины, письменность ряду народов, ее не имевших. Поэтому, можно говорить об особой политике Российской империи по отношению титульных наций современных национальных образований Российской Федерации. Вместе с тем, нельзя отрицать и прогрессивного влияния европейских стран по отношению развития европейского образования и создания системы институтов и университетов в ряде стран Востока.

По мере освоения восточных земель Сибири и Дальнего Востока, возникла потребность в знатоках восточных языков, переводчиках с бурятского, якутского, тунгусского, хакасского, тувинского и других языков коренных народов Западной и Восточной Сибири. Пограничные отношения с Цинской империей и монгольскими княжествами привели к потребности владения монгольскими, маньчжурским, китайским языками. Первоначально эту роль выполняли местные жители, жившие на пограничных территориях и владевшие данными языками. Но ведение официальных переговоров с соседними монгольскими княжествами в XVII веке, точный перевод писем и грамот потребовал более глубокого знания восточных языков.

Длительное время именно Иркутск являлся административным центром Восточной Сибири, продолжительное время здесь находилась дипломатическая канцелярия губернатора, которая занималась русско-монгольскими и русско-китайскими отношениями, а также таможня и штаб военного округа.

В изучении стран Восточной Азии, прежде всего Китая, Монголии, Кореи и Японии, восточных языков Иркутск играл важнейшую роль в Российской империи. В 1725 г. по решению Петра Первого в Иркутске была создана русско-монгольская (русско-мунгальская) школа, которая положила начало изучению монгольского языка в России [6], позднее в городе короткое время существовала школа изучения японского языка, в администрации постоянно служили переводчики монгольского, китайского, маньчжурского языков. Издавались словари восточных языков, книги о Китае, Монголии, Японии и Корее, отсюда начинались экспедиции известных российских путешественников.

И. К. Россохина в российском китаеведении справедливо называют первым русским китаеведом, пионером российского китаеведения. **Россохин (Рассохин) Илларион Калинович** (1717–1761) — первый русский китаевед, стоял у истоков изучения в России Китая, китайского и маньчжурского языков, выпускник Русско-монгольской школы в Иркутске. Он длительное время провел в Китае, где составил первые словари китайского языка, первым преподавал китайцам в Пекине русский язык. Вернувшись в Россию, занимался переводом официальных документов и одновременно занимался обучением студентов китайскому, маньчжурскому языкам и составил впервые в России словари восточных языков, описание истории и государства Цин, которые никогда не публиковались и оставались в рукописях. О нем неоднократно писали советские и российские китаеведы, но его рукописи частично устарели, частично методически не пра-

வில்но оформлены, плохо читаемы и понимаемы современными востоковедами. К тому же, как писал наш знаменитый А. С. Пушкин, «мы ленивы и не любопытны». Это тоже имеет место. Будем надеяться, что рукописи не горят и когда-то будут изданы, как знак уважения к русскому и иркутскому ученому-китаисту и будут полезны не только специалистам по истории российского востоковедения, но и специалистам русского языка и культуры.

В XIX в. российское востоковедение и монголоведение сделало важные шаги по формированию цельного научного представления о Монголии и Китае. Труды Н. Я. Бичурина, А. В. Игумнова, Д. Банзарова, О. М. Ковалевского, Голстунского, А. М. Позднеева, В. Л. Котвича, Б. Я. Владимирцова формировалась российская школа монголоведения, имеющая мировой научный уровень.

Российский и польский монголовед О. М. Ковалевский — один из создателей российского научного монголоведения в середине XIX века создал уникальный словарь — русско-монголо-французский словарь, который длительное время использовался не только российскими учеными, но и европейскими исследователями Востока [7]. Это еще раз подтверждает известную мысль об интернациональности научной мысли.

Быстрое развитие востоковедения и монголоведения в России произошло в XIX веке, когда появились академические и учебные заведения, где специально изучались восточные языки, сформировались профессиональные кадры. Результаты научных исследований в России и Европе быстро становились предметом взаимного исследования, иногда и критики. Чаще это обогащало мировую научную мысль. Блестящая подготовка российских ученых, владевших основными европейскими языками, позволяло быть в курсе европейской науки о Востоке.

Необходимо отметить, что масштабы изучения восточных стран в России и Франции были различны. У России были серьезные преимущества в данном отношении, так как она имела непосредственную границу с Китаем и Монголией, носителей монгольского (бурятского и калмыцкого языков) непосредственно в составе Российской империи. Количество учебных заведений, изучающих восточные языки, также было значительно больше, чем во Франции. Так, монгольский язык изучали в Петербурге, Москве, Иркутске, Верхнеудинске, Кяхте, Казани, Владивостоке. Поэтому многие французские востоковеды, чтобы изучать историю и культуру Китая и Монголии, вынуждены были изучать и русский язык, чтобы исследовать исторические источники и быть в курсе научных результатов российской востоковедной науки.

Вместе с тем необходимо отметить, что во Франции были глубокие традиции изучения истории Монголии и Китая, начиная с XIII в., первых экспедиций Платона Карпини и Вильгельма Рубрука, последнего направил в Центральную Азию в 1252 г. Людовик IX. Это были экспедиции католических миссионеров, с целью установления дипломатических отношений и политической разведки. Эти издания стали важной основой о Монгольской империи и монгольском обществе, до сих пор используемые в мировой науке. Русские ученые неоднократно переводили на русский язык сочинения П. Карпини и В. Рубрука, уточняя переводы текстов и информируя российское общество. В дальнейшем французские иезуиты активно изучали Китай и одновременно кочевые империи — соседней китайской империи.

В 1627 г. Папа Урбан VIII создал коллегия по распространению католицизма и подготовки миссионеров для работы на Востоке. Среди миссионеров следует назвать Ф. Жербийона, А. Гобиля, К. Висделу, М. Майя [4].

Ф. Жербийон прибыл в Пекин в 1688 г., был участником сложных русско-китайских переговоров в Нерчинске в 1689 г. с китайской стороны. Он неоднократно посещал Монголию, занимался сбором материала о ней и позднее его материалы вошли в историческую работу «Великая Татария» (1779 г.). А. Гобиль занимался переводом китайских династийных хроник и в 1739 г. опубликовал часть «Юань-ши», содержащих информацию о монгольском периоде китайской истории. Французские миссионеры познакомили Европу с китайскими историческими и литературными источниками, в том числе и о монголах и монгольской культуре. Систематизация этих данных была проведена Ж. Дюгальдом, который издал, в 1736 г., четыре тома донесений миссионеров-иезуитов из Китая, позднее они были опубликованы в 15 томах. В 1756 г. было издано фундаментальное исследование Ж. де Гиня «Всеобщая история гуннов, тюрков и монголов». Крупным центром мировой ориенталистики являлась Сорбонна, где на высоком научном уровне велось преподавание арабского, китайского, персидского, еврейского, турецкого языков.

Практические потребности информации о великой китайской цивилизации, научные интересы привели к созданию целой школы французских католических миссионеров, которые создали основу научных знаний для формирования научных современной синологии в Европе. Французская школа синологии считается самой развитой и успешной. Новый этап в развитии востоковедения во Франции начался в начале XIX века: в 1821 г. было создано Географическое общество в Париже, в 1822 г. — Азиатское общество и начал издаваться специальный журнал. Школа живых восточных языков продолжала оставаться центром изучения восточных культур и языков.

В 1824 г. А. д'Оссон опубликовал уникальный труд «История монголов от Чингис-хана до Тимур-бека или Тамерлана», который был переведен в России, а также использовался в оригинале, как исторический источник. Автор показал последствия монгольских завоеваний для Европы.

Немецкий ученый Юлиус Клапрот, некоторое время работавший в Академии наук России, затем уехал на Запад и длительное время жил и работал во Франции и неоднократно выступал с критикой российских востоковедов. Широкую известность получили критика Ю. Клапрота книги Е. Ф. Тимковского «Путешествие через Монголию в Китай в 1820–1821 гг.», которая основывалась на переводах известного русского китаевода Н. Я. Бичурина. Первично было указано на филологические неточности, а в дальнейшем дискуссия переросла в теоретическую плоскость. Ю. Клапрот в своих публикациях развивал идею о тюркском происхождении ряда народов Монголии, а Н. Я. Бичурин настаивал на монгольском происхождении этих народов. Как известно, выдающийся русский китаевед Н. Я. Бичурин, автор 15 крупных монографий, в том числе четырех, посвященных истории Монголии, убедительно выиграл данный научный спор. Необходимо также отметить, что проблема происхождения монгольских народов до сих пор окончательно не решена и по-прежнему продолжают научные споры по данной сложной проблеме [5].

Настоящий взлет востоковедных исследований в Европе и России произошел во второй половине XIX – начале XX в., когда синология и монголоведение вступили в новый, более высокий уровень своего развития. Этот период связан с именами французских востоковедов Э. Шаванна (1865–1918), Л. Каюна (1841–1900), П. Пеллио (1878–1945), Р. Груссе (1885–1952); российских востоковедов О. М. Ковалевского, А. М. Позднеева, В. М. Алексеева, Б. Я. Владимирцова и др. Ученые-востоковеды этого поколения уже хорошо знали исследования своих коллег, взаимно ими обменивались, учились друг у друга, развивая мировую науку о Востоке. Сохранилось значительное количество эпистолярного материала, которые подтверждают тесные связи русских и французских востоковедов и монголоведов. В об этом, в частности, свидетельствует научная переписка между Э. Шаванном, П. Пеллио с академиками В. М. Алексеевым, Б. Я. Владимирцовым. В 1998 г. было опубликовано эпистолярное наследие — «Письма к Эдуарду Шаванну и Полю Пеллио» В. М. Алексеева, а в 2016 г. «Владимирцов. Письма. Неизданное» [2, 3].

Значительный вклад в мировое востоковедение внес крупный французский востоковед, специалист по истории Китая, Монголии и центрально-азиатских народов Поль Пеллио (1878–1945). С 1911 г. — профессор Коллеж де Франс, президент Азиатского общества с 1935 г., член Академии надписей и изящной словесности, иностранный член-корр. Академии наук СССР. В 1908 г. во время экспедиции в Китае в Дуньхуане открыл в заброшенном пещерном монастыре уникальную коллекцию рукописей, где отобрал лучшие образцы и создал французскую коллекцию дуньхуанских рукописей, одну из лучших в мире. Плодовитый ученый, опубликовавший 866 работ (из них 600 рецензий и аннотаций). П. Пеллио оказал серьезное влияние на формирование современного мирового китаеведения, в том числе и российского, благодаря постоянным контактам с российскими учеными, что подтверждается опубликованными материалами.

Впервые П. Пеллио посетил Россию в 1905 г., познакомился с российскими востоковедами и быстро овладел русским языком. Общался и переписывался с выдающимися востоковедами: С. Ф. Ольденбургом, В. М. Алексеевым, И. Ю. Крачковским, Ф. И. Успенским. Позднее переписывался с буддологами Ф. И. Щербатским, Ф. И. Розенбергом, монголоведом Б. Я. Владимирцовым, В. М. Алексеевым. Особенно теплые отношения у него сложились с китаеведом В. М. Алексеевым. В 1925 г. П. Пеллио приезжал в СССР на празднование 200-летия Российской Академии наук.

По характеристике В. М. Алексеева, Поль Пеллио «китаист абсолютно мирового размаха». В книге Б. Я. Владимирцова «Письма. Неизданное» (2016 г.) изданы пять писем Б. Я. Владимирцова к П. Пеллио 1923–1927 гг. Основная тема научных вопросов Б. Я. Владимирцова связана с исследованием исторического источника «Юань-чао-би-ши».

В письмах крупного российского ученого Б. Я. Владимирцова дана высокая оценка трудов французских востоковедов П. Пеллио, Э. Шаванна во время его научной командировки в Западную Европу. Он слушал лекции французских востоковедов, изучал их труды и общался с ними, обсуждал сложные проблемы современного востоковедения. В одном из писем из Парижа китаисту В. М. Алексееву он писал: «...я совершенно покорен Pelliot. Вот поистине восходящая

звезда первой величины. Я всегда ставил его высоко, но не ожидал, что он может подняться на такую высоту. Его курс об «организации Монгольской империи» — одна прелесть. Он привлек массу новых китайских источников, подверг их строгой критике и сумел извлечь поистине драгоценные вещи [2, с. 28]. Высоко оценивает публикацию Б. Я. Владимирцов в 1924 г. публикацию «Сокровенного сказания монголов» П. Пеллио, называя «блестящим» данное исследование [2, с. 194] и дискутируя с ним о некоторых конкретных переводах монгольских терминов, а также сообщает, что его работами чрезвычайно интересуются в Комитете наук в Монголии. Академик Б. Я. Владимирцов обращается к письмам 1924–1927 гг. в П. Пеллио — «Дорогой друг и учитель», что свидетельствует о теплых дружественных отношениях двух известных востоковедов. Он сообщает своему французскому коллеге о многих книжных новинках, найденных рукописях, которые представляют взаимный интерес. Необходимо отметить, что Б. Я. Владимирцов проявлял серьезный интерес к изучению востоковедения и восточных языков во Франции. Так, в 1906 г. им была написана статья «Несколько слов о преподавании восточных языков в Париже», изданная только в 2016 г., где он учился в Школе восточных языков, Сорбонне и Колледже де Франс [2, с. 223–229].

Тема истории кочевых цивилизаций в Центральной Азии (хунну, тюрки, монголы, маньчжуры и др.), история Монгольской империи и роль Чингис-хана постоянно занимала научные интересы французских монголоведов. Академик Рене Груссе (1885–1952) — востоковед и историк искусства длительное время занимался историей Востока и опубликовал капитальные монографии, которые оказали существенное влияние на изучение проблемы кочевниковедения: «История Азии», «История Дальнего Востока», «Цивилизации Востока». Важное место в его научном наследии занимает «Империя степей», посвященная кочевым империям Хунну, тюрков и монголов, «Монгольская империя» (1941), «Покоритель мира: Жизнь Чингисхана» (1944). Он использовал в своих трудах широкий круг источников: арабских, персидских, китайских, русских, греческих, армянских, что и позволило создать глубокие и всесторонние исследования.

В 2008 г. последняя работа Г. Груссе была переведена и издана в серии «ЖЗЛ». «Империя степей» издана в Казахстане в 2005 г., что свидетельствует о высоком научном качестве работ французского востоковеда и несомненных литературных достоинствах. Несомненной заслугой французского ученого является научное обоснование концепции цикличности кочевых империй, которая связана с периодичностью природных циклов. Это позволяет объяснить причины возвышения кочевых империй, их захватнических походов на соседние государства. Эти положения Г. Груссе были в дальнейшем развиты и по-своему трансформированы в концепции Л. Н. Гумилева о «пассионарности».

Данную тематику продолжил другой французский специалист по тюрко-монгольским народам Жан-Поль Ру, который учился в Национальной школе живых восточных языков и известен как специалист по истории стран Востока и сравнительной истории религий. На русский язык переведены и изданы его работы: «История Ирана и иранцев: от истоков до наших дней» (2012), «Чингисхан и империя монголов» (2005).

Во второй половине XX в. изучение истории и культуры Монголии во Франции получило новый импульс развития. Установление дипломатических отношений Франции с Монголией, участие французских ученых в Международных конгрессах монголоведов, французские полевые экспедиции в кочевой стране стимулировали развитие монголоведческих исследований. Значительное внимание уделяется во Франции изучению монгольского языка и литературы, буддизма и шаманизма, истории Монгольской империи периода Чингисхана и нового времени, переводу классических монгольских исторических памятников на французский язык.

Новое поколение французских монголоведов стажировались в Монгольском университете, работали в монгольских архивах и библиотеках, проводили совместные исследования в Монголии, приглашали монгольских филологов для преподавания монгольского языка во французских учебных центрах.

Ученик П. Пеллио — Луи Амбис (1906–1978) в 1965–1977 гг. — профессор кафедры истории и цивилизаций Центральной Азии в Коллеж де Франс, где читал курсы по истории Монголии и монгольскому языку, публикует ряд источниковедческих и исторических исследований по Монголии, документы по истории Мин, биографию Чингисхана [1, с. 37].

Успешно по монголоведению работают Роберта Амейон, Мари-Доминик Эвен, Франсуаза Обен, Мари-Лиз Беффа, Жак Легран, Ядвига Каргучинска-Легран, Алексис Ригалофф, Жан-Поль Руа. Многие из французских ученых тесно сотрудничают с монгольскими и российскими монголоведами, активно участвуют в Международных конгрессах монголоведов и конференциях, владеют русским языком, используют в научных исследованиях результаты ученых России, активно участвуют в научном книгообмене. В связи с небольшим количеством специалистов-монголоведов во Франции их исследования и публикации носят более широкий и универсальный характер: одновременно публикуют статьи и книги, словари по монгольскому языку, истории и этнографии Монголии. В российском монголоведении уже давно произошла специализация специалистов по Монголии, поэтому французские ученые заинтересованы в получении научных результатов, более специализированных и глубоких по ряду направлений. Тем не менее, французские монголоведы имеют некоторую специализацию: Роберта Амейон (монгольский шаманизм, буддизм, религия и этнография монголов; М.-Д. Эвен (этнология, монгольский шаманизм); Ф. Обен (монгольское право, история и социология; Жак Легран (монгольский язык, новая и новейшая история Монголии, проблемы номадизма).

Таким образом, российское и французское востоковедение имеют глубокие корни изучения стран Восточной Азии, в том числе Китая и Монголии. Длительное время национальные школы развивались обособленно и не имели тесных научных связей. В XIX в. произошло взаимное узнавание и во второй половине XIX – начале XX вв. началось тесное сотрудничество востоковедных школ двух стран. Это привело к взаимному обогащению и совместному продвижению по изучению восточной культуры и общества. Несмотря на различие научных школ и подходов в изучении стран Востока происходит дальнейшее сближение востоковедения и монголоведения России и Франции. Назрела необходимость российскими исследователями в специальном изучении французского монголоведения.

Литература

1. Гольман М. И. Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е –середина 90-х XX века / М. И. Гольман. — Москва: Институт востоковедения РАН, 2004. — 334 с.
2. Владимирцов Б. Я. Письма. Неизданное / сост. Г. И. Слесарчук, А. Д. Цендина; отв. ред. А. Д. Цендина; Институт Востоковедения. — Москва: Наука, 2016. — 390 с.
3. Алексеев В. М. Письма к Эдуарду Шаванну и Полю Пеллио / сост. И. Э. Циперович. — Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 1998. — 232 с.
4. Дубровская А. В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775) / А. В. Дубровская. — Москва: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2000. — 256 с.
5. Дугаров В. Д. Российская историография истории Монголии / В. Д. Дугаров; науч. ред. Л. В. Курас. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2014. — 376 с.
6. Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В. Монголия и русско-монгольские отношения первой половины XX века: проблемы истории и историографии / А. П. Суходолов, Ю. В. Кузьмин; под ред. М. П. Рачкова. — Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. — 318 с.
7. Полянская О. Н. Профессор О. М. Ковалевский и Бурятия (1-я половина XIX века). — Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2001. — 140 с.

References

1. Gol'man M. I. Mongolovedenie na Zapade (tsentry, kadry, obshchestva). 50-e –seredina 90-kh KhKh veka / M. I. Gol'man. — Moskva: Institut vostokovedeniya RAN, 2004. — 334 s.
2. Vladimirtsov B. Ya. Pis'ma. Neizdannoe / sost. G. I. Slesarchuk, A. D. Tsendina; отв. red. A. D. Tsendina; Institut Vostokovedeniya. — Moskva: Nauka, 2016. — 390 s.
3. Alekseev V. M. Pis'ma k Eduardu Shavannu i Polyu Pelliо / sost. I. E. Tsiperovich. —Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1998. — 232 s.
4. Dubrovskaya A. V. Missiya iezuitov v Kitae. Matteo Richchi i drugie (1552–1775) / A. V. Dubrovskaya. — Moskva: Kraft+, Institut vostokovedeniya RAN, 2000. — 256 s.
5. Dugarov V. D. Rossiiskaya istoriografiya istorii Mongolii / V. D. Dugarov; nauch. red. L. V. Kuras. — Ulan-Ude: Izd-vo BГУ, 2014. — 376 s.
6. Sukhodolov A. P., Kuz'min Yu. V. Mongoliya i russko-mongol'skie otnosheniya pervoi poloviny KhKh veka: problemy istorii i istoriografii / A. P. Sukhodolov, Yu. V. Kuz'min; pod red. M. P. Rachkova. — Irkutsk: Izd-vo BГУ, 2016. — 318 s.
7. Polyanskaya O. N. Professor O. M. Kovalevskii i Buryatiya (1-ya polovina XIX veka). — Ulan-Ude: VSGAKI, 2001. — 140 s.

**MONGOLIAN STUDIES IN RUSSIA AND FRANCE:
PERSONNELS, TRENDS, SCIENTIFIC TIES***Yuriy V. Kuzmin*

Dr. Sci. (History), Prof.,

Department of World Economy and International Business,

Baikal State University

E-mail: kuzminuv@yandex.ru

The article presents the characteristics and peculiarities of the relations between the Western and the Eastern world in the Modern Age. We analyze the reasons for high level of development of Russian Oriental and Mongolian studies, in particular. The main attention is paid to the formation and development of Oriental studies in France and description of the major French orientalists. We also have shown the scientific ties of the orientalists of the two countries.

Keywords: the East; the West; scientific ties; Russian Oriental studies and Mongolian studies; French orientalists; writings; scientific expeditions to the East; reasons for the success of Russian orientalists; World Oriental studies.